

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК: 94(47)+929

DOI: 10.25629/НС.2023.05.01

**«ПЕРВЫЙ ДРУГ» ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: К ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ЦЕЛИТЕЛЯ
ФИЛИППА НИЗЬЕ ПРИ ДВОРЕ НИКОЛАЯ II (1901–1902 ГГ.)****Князев М.А.**Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского**АННОТАЦИЯ**

В статье представлена реконструкция истории пребывания французского целителя Филиппа Низье при дворе Николая II в 1901–1902 гг. Несмотря на частое обращение исследователей к данному сюжету, он до сих пор не получил полноценного освещения в историографии. Приезд Филиппа в Россию и его знакомство с императорской четой произошло весной 1901 г. благодаря усилиям «черногорских» княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны. У Низье отсутствовал французский диплом доктора, поэтому он не имел права заниматься медицинской деятельностью на родине. По просьбе Филиппа или «черногорок» Николай II принял попытки легализовать его медицинскую деятельность. Исполнителем поручения монарха стал дворцовый комендант П.П. Гессе, однако решение вопроса по дипломатическим каналам потерпело фиаско. Поэтому император обратился напрямую к руководству Франции с просьбой разрешить Низье лекарскую практику, но получил отказ. В этих условиях самодержец даровал Филиппу звание доктора медицины в России. Распространяемые в обществе слухи о вредном влиянии француза на монарха побудили императрицу Марию Федоровну инициировать разбирательство по делу Низье. Сбор сведений был поручен П.П. Гессе и заведующему заграничной агентурой департамента полиции П.И. Рачковскому. Собранный компромат был сообщен царю, что вызвало неудовольствие как Николая II, так и Филиппа, а через некоторое время Рачковский был отправлен в отставку. Вслед за начальником заграничной охраны навсегда покинул Россию и лионский доктор, так и не получивший официального французского диплома. Рассматривая вопрос об удалении Филиппа от двора, автор делает вывод о заинтересованности в этом как отдельных членов царской фамилии, так и представителей официальных французских властей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Николай II, Александра Федоровна, Филипп Низье, Мария Федоровна, П.П. Гессе, П.И. Рачковский, дворцовый комендант, камарилья.

ВВЕДЕНИЕ

“Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предохраняет меня от злых людей и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них”, – писала 16 июня 1915 г. императрица Александра Федоровна своему супругу Николаю II [13, с. 184]. «Первый друг» – так было принято именовать в царской семье французского целителя Ф. А. Низье, человека, сыгравшего особую роль в жизни венценосцев.

«Вторым» (по времени знакомства, но не по значению) другом для них станет старец Г.Е. Распутин. Но если о последнем в 1900-е – 1910-е гг. говорила вся Россия, то о «первом» друге царской четы в начале XX в. знали совсем немногие: свою роль сыграло как то, что их общение было недолгим (менее двух лет), так и то, что оно держалось в тайне.

ПРОБЛЕМА

Можно констатировать, что история появления доктора Филиппа Низье в России и его пребывания при дворе Николая II до сих пор остается белым пятном в историографии. Точнее говоря, несмотря на частое обращение к этому сюжету в литературе, он так и не получил полноценного освещения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Если советские историки ограничивались уничижительной характеристикой лионского доктора как «авантюриста» [8, с. 45–46] и «шарлатана» [1, с. 22, 44], то современные исследователи не склонны преувеличивать интерес к Филиппу со стороны царской четы, объясняя это духовными запросами венценосцев [2, с. 18, 21–22; 3, с. 253–256]. Безусловно, особое место в литературе занимает работа С. В. Фомина [20, с. 544–725], попытавшегося создать цельный исторически достоверный портрет доктора Низье, а также его предшественника на исследовательском поприще эмигранта П. А. Бурьшкіна [4]. Стоит отметить, что устойчивый интерес к личности целителя наблюдается и в западной историографии [24–29]. Но недостаток источников, с одной стороны, и их тенденциозность, с другой стороны, подчас приводили исследователей к неточным и потому ошибочным выводам. Тем не менее, этот сюжет чрезвычайно важен, так как позволяет оценить взаимоотношения Николая II с «другом» – предшественником Г. Е. Распутина, а также увидеть механизм встраивания представителя неформального окружения монарха в придворную элиту России начала XX столетия. Освещение данного вопроса полезно и в плане решения дискуссионного вопроса о степени влияния на царя разного рода «неофициальных советников» [10].

Низье Антельм Филипп (Nizier Anthelme Philippe) родился 25 апреля 1849 г. в семье бедных крестьян в Савойе (Франция) [20, с. 617]. С ранних лет он обнаружил в себе особые природные способности, которые позволили ему с 13 лет начать «лечить людей». Работая поначалу приказчиком у своего дяди и освоив профессию мясника, Филипп впоследствии стал слушателем медицинского факультета Лионского университета. Однако проучился он недолго: целительские способности студента стали для него «источником неприятностей», и он был вынужден покинуть университет [20, с. 618–619]. Частная врачебная практика при отсутствии официального диплома приводили к тому, что трижды – в 1887, 1890 и 1892 г. – Филипп привлекался к суду за незаконные занятия медициной [20, с. 620]. Заключение в 1877 г. брак с Жанной Жюли Ландар позволил Низье поправить финансовое положение, и с тех пор он мог лечить людей безвозмездно [20, с. 622]. Неверно полагать, однако, что Филипп был дилетантом от медицины: в 1884 г. он представил в американском университете докторскую диссертацию «О принципах гигиены во время беременности и родов», за что получил соответствующий диплом, который, правда, как полученный за рубежом не признавался во Франции [20, с. 623–624].

История появления Низье при русском дворе опутана множеством легенд и до сих пор не прояснена до конца. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что особую роль в знакомстве Филиппа с венценосцами сыграли «черногорские» княгини – сестры Милица и Анастасия (Стана) Николаевны, близкие подруги царицы [19].

Благодаря «черногоркам» имя французского доктора Филиппа Низье стало известно императорской чете еще до личного знакомства с медиумом. Осенью 1900 г. Николай II заболел тяжелой формой тифа, этот же недуг поразил и младшего сына дворцового коменданта П. П. Гессе. По воспоминаниям статс-дамы императрицы Александры Федоровны Е. А. Нарышкиной, великая княгиня Милица Николаевна “постоянно твердила о своем друге, чудесном лекаре докторе Филиппе, который только своими молитвами мог принести больным исцеление” [12, с. 347]. Но со временем пациенты пошли на поправку и необходимость визита «лекаря»

отпала. Однако, когда заболел сын сестры Милицы – Анастасии Николаевны – Сергей Георгиевич, француз по приглашению приехал в столицу, где царь с царицей «повстречались с Филиппом» [12, с. 347]. Эта встреча произошла 26 марта 1901 г., что отмечено в дневнике Николая II: “Вечером виделся с одним замечательным французом Mr Philippe! Долго разговаривал с ним. Аликс [Александра Федоровна – М. К.] его тоже видела”¹ [7, т. 1, с. 588].

Очевидно, встреча с доктором оставила хорошие впечатления у монарха, что стало залогом для продолжения общения. Вторая встреча Николая II и Филиппа произошла 9 июля 1901 г. в Петергофе, причем активное участие в ее подготовке принял великий князь Петр Николаевич, супруг Милицы Николаевны, лично сопровождавший Филиппа по дороге в родовую усадьбу «Знаменку» [22, с. 85].

После высочайшего приема Филиппа и, надо полагать, более близкого знакомства, общение самодержца и целителя приобрело регулярный характер и стало ежедневным вплоть до отъезда Низье в Мон (Франция) 21 июля. По-видимому, именно во время этих встреч (не исключено, что по предложению присутствовавшей на них Милицы Николаевны) Николай II решил просить французское правительство дать Филиппу официальное звание врача. Не исключено, что к такому решению императора мог подтолкнуть сам Филипп, заинтересованный в легализации своих занятий медициной на родине. Проработать возможные варианты выхода из положения было поручено начальнику царской охраны – дворцовому коменданту П. П. Гессе, который 13 июля послал соответствующий запрос послу во Франции Л. П. Урусову. То, что решение вопроса поручили именно Гессе, было отнюдь не случайным: являясь доверенным лицом государя, генерал мог сохранить секрет в тайне, а обладая широкими связями, способствовать скорейшему разрешению проблемы. Помимо этого, дворцовый комендант организовал охрану приближенного ко двору иностранца, поэтому во время пребывания в России Филипп «находился на особом попечении <...> Гессе» [5, с. 224].

Ответ посла не замедлил себя ждать. В письме от 25 июля (7 августа) князь Урусов сообщил, что, хотя и приложит все силы к решению вопроса, но все же вынужден огорчить своего адресата. Дело в том, что во Франции «право практиковать медицину нераздельно связано с обладанием докторского французского диплома», причем «это правило столь строго соблюдается [,] что иностранные доктора, какую бы известностью они не пользовались, допускаются к практике не иначе как по выдержании ими экзамена во французском факультете и по получении ими требуемого диплома». Из-за опасения отказа посол даже воздержался от официального обращения к министру просвещения Франции Ж. Лейгу, предполагая «провести дело не официальным путем, если это окажется возможным, и заручившись обязательным советом компетентных лиц о том, как следует оформить ходатайство или в каком виде возможно было бы добиться на практике желаемого результата»² [16, л. 50–51]. В августе 1901 г. Урусов обратился во Французскую медицинскую академию, однако просьба о выдаче диплома была «резко» отклонена [12, с. 348]. Таким образом, предпринятая попытка легализации медицинской деятельности Филиппа путем использования дипломатических каналов связи потерпела фиаско.

В сентябре 1901 г. Николай II и Александра Федоровна посетили с государственным визитом Французскую республику и, в частности, 6–7 (19–20) сентября 1901 г. встречались в Компьене с доктором Низье [7, т. 1, с. 617]. По данным сотрудника МИД Франции, будущего посла в России, Ж. М. Палеолога, инициаторами свидания выступили сами венценосцы, которые передали Филиппу предложение о встрече через Милицу Николаевну [20, с. 584–585]. Однако дневниковая запись государя позволяет усомниться в этом: “Имели большое удовольствие видеть «нашего друга», кот[орый] приехал навестить нас из Лиона!” [7, т. 1, с. 617]. Контекст упомянутого слова

¹ П. А. Бурыйкин ошибочно полагал, что первая встреча Царской четы и Филиппа произошла в Компьене в сентябре 1901 г. [4, с. 186], С. В. Фомин также неверно определяет время знакомства июлем 1901 г. [20, с. 699].

² Примечательно, что этот документ, выявленный нами и впервые вводимый в научный оборот, отложился в деле с перепиской о смерти П. П. Гессе и разборе его служебных и личных бумаг. Причины, по которым указанное письмо оказалось в этом деле, неизвестны.

«навестить» скорее говорит об активной заинтересованности в беседе именно Филиппа, нежели царской четы. И тому могли быть вполне понятные причины – вопрос об определении легального статуса лионского целителя оставался нерешенным.

Император не остался равнодушен к прошению «друга» и еще во время пребывания в Компьене лично обратился к официальным властям Франции с просьбой об упорядочении статуса Филиппа. По свидетельству сотрудника президента Франции А. Комбарьена, Николай II просил министра иностранных дел Т. Делькассе дать Филиппу французский диплом доктора на основе аналогичного американского документа. Делькассе в свою очередь передал запрос коллегам по кабинету, однако они отказались от его исполнения. 19 октября (1 ноября) эта информация была доложена министром президенту Франции Э. Ф. Лубе [4, с. 187].

Тем не менее, 9 ноября 1901 г. звание доктора медицины было даровано Филиппу... в России, причем определяющую роль в данном случае сыграл сам царь. “Я ему достал диплом на звание лекаря из Военно[-]Медицин[ской] академии. Николаша [великий князь Николай Николаевич – М. К.] тот час же заказал ему мундир нашего военного врача” [7, т. 1, с. 629], – не без гордости отметил император в дневнике. Это было сделано в тайне, негласно, по крайней мере, никаких официальных документов, свидетельствующих о присуждении звания, опубликовано не было [18, с. 225].

Судя по всему, официальное признание Низье в качестве доктора в России было сделано не столько ради самого Филиппа (не владея русским языком, он вряд ли бы смог успешно практиковать в качестве врача), сколько ради того, чтобы подвигнуть власти Франции пойти навстречу их соотечественнику. Известие весьма скоро дошло до предначиненного адресата – официальных французских властей. Так, в дневнике от 20 ноября (3 декабря) 1901 г. Комбарьен не без иронии записал, что Николай II «только что назначил этого магнетизера [Низье – М. К.] действительным статским советником и врачом русской армии с чином генерала» [4, с. 188]. Для «закрепления» результата личный визит Лубе в декабре 1901 г. нанес великий князь Петр Николаевич и «настойчиво напомнил ему просьбу императора о выдаче диплома», на что получил ожидаемый отказ. Проницательный Комбарьен, разглядевший подтекст действий русских властей, отмечал: “...нет способа обойти французское законодательство, которое требует по крайней мере трех экзаменов, чтобы получить степень доктора даже для тех, кто имеет иностранный диплом, даже самый достойный уважения” [4, с. 188]. По-видимому, неудачный визит великого князя к президенту Франции стал главной темой обсуждения с царем: 8 декабря после обеда, за которым присутствовали “Милица, Николаша и Петюша”, “весь вечер говорили о «нашем друге»” [7, т. 1, с. 633].

Обстановка секретности, в которой происходило общение Филиппа с царской четой, стала катализатором разного рода слухов о том, что целитель проводит по ночам спиритические сеансы [5, с. 224], вызывает духов и даже общается с представителями загробного мира [6]. Однако, как справедливо заметил А. Н. Боханов, свидания венценосцев с целителем «не выходили за пределы вечерних встреч и духовных бесед» [3, с. 256]. Тем не менее, слухи вызвали серьезную обеспокоенность вдовствующей императрицы Марии Федоровны [5, с. 224; 11, с. 64–65; 15], и она выступила инициатором «расследования» деятельности Филиппа с целью открыть глаза своему сыну и невестке³. С соответствующим поручением императрица обратилась к дворцовому коменданту П. П. Гессе, с которым, к слову, ее связывали хорошие отношения⁴. Чтобы выяснить, что «представляет собою Филипп» генерал в свою очередь обратился к заведующемуграничной агентурой департамента полиции П. И. Рачковскому [5, с. 224].

³ Правда, в историографии имеет место суждение, что инициатором «расследования» могла выступить великая княгиня Елизавета Федоровна, известная своим негативным отношением к придворному мистицизму (см., напр.: [21, с. 193]). И хотя великая княгиня действительно относилась отрицательно к Филиппу [20, с. 711], никаких данных о ее участии в этой акции нет.

⁴ Подробнее об этом см.: [9, с. 83].

Однако дальнейшее развитие событий выглядит, на первый взгляд, странным. Вместо запроса в полицию Лиона, в феврале 1902 г. Рачковский обратился с вопросом к министру иностранных дел Делькассе, как мы помним, уже бывшего в курсе «дела Низье». Согласно Ж. М. Палеологу, на аудиенции у министра Рачковский выразил обеспокоенность тем, что «эксцентричное поведение этого шарлатана завершится ужасным скандалом. Немецкая партия при дворе, несомненно, использовала бы его в качестве орудия против [русско-французского – М. К.] альянса» [20, с. 583]. По-видимому, Делькассе всерьез воспринял сообщение заведующего заграничной охранкой, поэтому немедленно переадресовал этот вопрос Палеологу, а последний уже смог навести необходимые справки в полиции и предоставил их Рачковскому [5, с. 224]. Таким образом, в удалении целителя от венценосцев одинаковую заинтересованность проявляли как отдельные члены царской фамилии, так и представители официальных французских властей.

В своей очередной поездке из Парижа в Санкт-Петербург Рачковский предоставил доклад министру внутренних дел Д. С. Сипягину. Точная дата их встречи неизвестна, по крайней мере, она произошла не позднее 2 апреля 1902 г., когда министр погиб от руки эсера С. В. Балмашёва. Реакция министра после ознакомления с докладом была обескураживающей: «Я не понимаю, почему Вы представляете мне эту записку, которую я не поручал Вам составлять. Предваряю Вас, что ежели меня когда-либо об этом спросят, то я отвечу, что Вы никогда мне ничего не представляли[,] и я об этом ничего не знаю. Ответив Вам как министр <...>, я как частный человек даю Вам совет: бросьте свою записку в камин и никогда о ней не упоминайте» [14, с. 389].

Точное содержание доклада неизвестно, однако на основании ряда источников (в первую очередь, дневника Палеолога) можно установить, что нем содержались сведения, порочащие Низье. В частности, было указано на низкое социальное происхождение целителя, отсутствие медицинского образования и, как следствие, дилетантские методы лечения, конфликты с официальными властями, участие в финансовых спекуляциях, опыт судебных разбирательств [20, с. 583; 14, с. 389].

Тем не менее, Рачковский не послушал совета Сипягина и передал доклад Гессе, а последний представил его царю. По сведениям члена Государственного совета А. А. Половцова, по-видимому, полученным от министра финансов С. Ю. Витте, «государь до того рассердился, ознакомившись с содержанием записки, что изорвал ее в клочки, бросил их на пол и стал топтать ногами» [14, с. 389]. Неправдоподобность подобной реакции императора, известного своей выдержкой, очевидна; по крайней мере, в присутствии посторонних лиц царь вряд ли позволил бы себе такие действия. Еще одним доказательством сдержанной реакции самодержца на доклад было то, что он не принял немедленного решения об отставке Рачковского с занимаемого поста. В попытке выдать желаемое за действительное Витте ошибочно утверждал, что «как только [В. К.] Плевел стал министром внутренних дел [апрель 1902 г. – М. К.], Рачковский был уволен»⁵ [5, с. 224].

По-видимому, в обмен на сохранение должности начальника заграничной агентуры Рачковский получил задание добиться присуждения Филиппу французского диплома. Тем более что резидент был в весьма хороших отношениях с президентом Франции, что сулило положительный результат. В итоге «[Э. Ф.] Лубе созвал Совет министров и объявил им о своем желании угодить русскому императору». Однако в ответ члены кабинета, в частности, министр просвещения Ж. Лейг, заявили о «полной невозможности исполнить такое требование, предвидя в случае такого исполнения парламентские запросы и вероятное падение министерства» [14, с. 389].

Когда очередная попытка неофициального, в обход закона, решения проблемы потерпела фиаско, Рачковский получил приказание «просить о допущении Филиппа к докторскому экзамену с рекомендацией снисходительности экзаменаторам». И хотя на это было получено согласие министра Лейга, положительному разрешению дела помешала излишняя придирчи-

⁵ Примечательно, что это же утверждал и М. Палеолог: «Не прошло и двух недель, как Рачковский <...> был без промедления уволен» [20, с. 587]. На самом деле отставка Рачковского произошла только в октябре 1902 г.

вость великой княгини Анастасии Николаевны, потребовавшей проведения экзамена в ее комнате [14, с. 389]. Возможно, Стана опасалась, что Низье не сможет достойно выдержать испытание, поэтому тем самым хотела поддержать доктора, но не исключено, что великая княгиня делала хорошую мину при плохой игре: надежды на официальное признание Филиппа как врача таяли, как весенний снег.

По-видимому, к этому времени сам царь также разочаровался в возможности решения вопроса о выдаче диплома. Поэтому Николай II поручил Плеве вызвать Рачковского из Франции, а затем «запиской» уведомил министра внутренних дел о том, что «Рачковского надо убрать из Парижа» [14, с. 389].

В унисон с царем в данном вопросе летом 1902 г. стал выступать и Филипп, надо полагать, проинформированный о компромате, собранном против него Рачковским. Однако за отставку заведующего заграничной агентурой лионский доктор прямо не высказывался, предпочитая делать это в неявной, завуалированной форме. Об этом свидетельствует записка, написанная рукой великой княгини Милицы Николаевны и найденная позднее в ее бумагах среди писем Филиппа и его дочери⁶ [22, с. 85–86]. Среди прочего в ней читаем: «Рачковский [разрядка публикаторов – М. К.]. Небо определенно требует отставки: если бы дело шло только о М-сье Ф[илиппе] или даже о е[го] и[мператорском] в[еличестве] в[еликом] к[нязе]⁷, – М-сье Ф[илиппе] этого бы не сказал, предоставил бы действовать, но он не хочет объяснять причин, так как не его роль быть обвинителем. Если поискать[,] можно найти, и тем легче, что бывшие друзья заговорят после отставки. Необходимость» [22, с. 86]. Не исключено, что возможная отставка Рачковского обсуждалась и во время периодических встреч монарха и целителя в августе 1902 г. [7, т. 1, с. 677–679]. И хотя царь был возмущен «вздором», распространяемым по поводу Филиппа⁸, тем не менее, соответствующее решение об отставке парижского резидента Николай II принял позднее, по-видимому, в сентябре 1902 г., следовательно, оно не было принято под давлением Филиппа.

Итак, 15 октября 1902 г. Рачковский был уволен с поста начальника заграничной агентуры департамента полиции и принудительно выслан из Франции [17, с. 186]. И как это ни парадоксально виновника своей отставки он видел не в Филиппе, а в дворцовом коменданте Гессе, который, наоборот, «всячески защищал Рачковского [перед царем – М. К.], но безуспешно»⁹ [5, с. 224]. В порыве отомстить своему мнимому обидчику Рачковский в письме от 29 декабря 1902 г. «доверительно» сообщал Гессе, что Плеве «готовит записку о несостоятельности дворцовой охраны» и что дворцовый комендант будет отправлен куда-либо генерал-губернатором¹⁰ [20, с. 344]. О том, что после истории с Филиппом Гессе испытывал «монаршее охлаждение», по слухам сообщал А. А. Половцов [14, с. 390]. Похожие сведения излагает в своем декабрьском дневнике за 1902 г. епископ Арсений (Стадницкий): после «рокового» доклада царю дворцовый комендант «или ждал отставки, или сам думал уйти», однако генерала спасло заступничество Марии Федоровны [11, с. 64–65]. Но несмотря на распространение слухов о размолвке Николая II и

⁶ Текст записки представляет собой набор отрывочных фраз медиума, не всегда связанных по смыслу между собой, при этом речь о Филиппе идет в третьем лице. Записка не датирована, однако можно предположить, что она была создана не позднее июля 1902 г., так как о встрече русского и германского императоров Николая II и Вильгельма II в Ревеле 24–26 июля 1902 г. говорится как о предполагаемой, в будущем времени [22, с. 86].

⁷ Возможно, речь идет о великом князе Николае Николаевиче, близком Филиппу. По данным Палеолога, еще в апреле 1902 г., по-видимому, узнав о собранном на него досье, Филипп «телеграфировал» великому князю, «умоляя его немедленно встретиться с Императором и замолвить за него слово» [20, с. 587].

⁸ Имеются в виду распространяемые в обществе слухи о ложной беременности Александры Федоровны в 1902 г., которая была якобы «внушена» императрице Филиппом.

⁹ Примечательно, что о вине Гессе в «смещении» Рачковского немедленно сообщил журнал «Освобождение» [15].

¹⁰ Интересно, что подобные слухи о назначении Гессе на пост киевского генерал-губернатора начали распространяться в Киеве осенью 1902 г., о чем Гессе уведомил его близкий друг публицист Б. М. Юзефович [23, с. 179].

Гессе, они не подтвердились: дворцовый комендант продолжал исполнять свои обязанности, пользуясь неизменным доверием императора [9, с. 87].

Желанная для Низье отставка Рачковского, однако, не способствовала большему сближению лионского целителя с императорской четой, наоборот, в отношениях между ними (по крайней мере, между царем и доктором) наступило охлаждение. Возможно, это почувствовал и сам Филипп, в ноябре 1902 г. навсегда покинувший Россию вместе с семьей и обосновавшийся во Франции. Примечательно, что после 23 августа 1902 г. в царском дневнике нет сведений о каких-либо личных контактах с Филиппом¹¹, лишь редкие упоминания: так, 18 января 1903 г. царь отметил, что Стана «привезла много свежих впечатлений о нашем друге» [7, т. 1, с. 709]. 31 августа 1903 г. самодержец разговаривал о Низье с великим князем Николаем Николаевичем [7, т. 1, с. 751], а 20 июля 1905 г. лаконично записал: «Вечером узнали горестную весть о кончине Mr. Philippe именно в Ильин день» [7, т. 2, ч. 1, с. 47]. Можно предположить, что история, связанная с попыткой выдачи диплома Филиппу, оставила неприятный след в душе царя, поэтому государь старался не вспоминать об этом. В то время как императрица продолжала сохранять теплые воспоминания о докторе Низье, предсказавшего им появление в будущем иного «друга» – Г. Е. Распутина. И как это ни удивительно, знакомство царской четы со странником из Тобольска произойдет ровно в год смерти лионского целителя при неизменном участии сестер-«черногорок» – Милицы и Станы.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что пребывание целителя Филиппа при дворе Николая II было недолгим, оно оставило след не только в личной жизни венценосцев, но и в будущем стало катализатором формирования круга неофициальных советников последнего российского монарха. Жизненная «одиссея» доктора Низье примечательна и тем, что представляет собой яркий образчик перипетий судьбы «маленького человека» на рубеже XIX–XX веков, не принятого и не признанного в родной Франции, вознесенного к вершинам власти в Российской империи и в итоге вынужденного вернуться в родную гавань.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит исследователей – доктора исторических наук, профессора Ф. А. Селезнева (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) и кандидата исторических наук С. В. Куликова (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук) – за ценные советы и рекомендации, данные в ходе работы над данной статьей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989. – 251 с.
2. Белова А. В., Волошун П. В. Императрица Александра Федоровна в контексте семейной жизни: супруга и мать // История повседневности. – 2016. – № 1(1). – С. 7–31.
3. Боханов А. Н. Сердечные тайны Дома Романовых. – М.: Вече, 2013. – 411 с.
4. Бурьшкин П. А. Филипп – предшественник Распутина // Новый журнал. – 1955. – Кн. XL. – С. 179–199.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Л.: Государственное изд-во, 1924. – Т. 1. – 471 с.
6. Г. Филипп, конкурент кн. Мещерского // Освобождение. – № 8. – 1902. 2 октября (15 октября). – С. 125–126.
7. Дневники императора Николая II (1894–1918). – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1–2.

¹¹ В дневнике Николая II отсутствуют упоминания о встречах венценосцев с целителем во время их пребывания в Крыму в октябре 1902 г., на что недвусмысленно намекал в своем дневнике военный министр А. Н. Куропаткин [20, с. 719]. По-видимому, и прощание с Филиппом происходило в отсутствие императора.

8. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
9. Князев М. А. Дворцовый комендант П. П. Гессе: основные этапы карьеры и его роль в окружении Николая II (1896–1905 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 6. – С. 78–94.
10. Лукоянов И. В. Глава VIII. Камарилья // Первая мировая война и конец российской монархии. – СПб.: Лики России, 2014. – Т. 1. – С. 629–687.
11. Митрополит Арсений Стадницкий. Дневник (1902–1903). – М.: Издательство ПСТГУ, 2013. – Т. 2. – 532 с.
12. Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 685 с.
13. Переписка Николая и Александры (1914–1917). – М.: Захаров, 2013. – 919 с.
14. Половцов А. А. Дневник (1893–1909). – СПб.: Алетейя, 2014. – 702 с.
15. Разные сведения и слухи // Освобождение. – № 13. – 19 декабря 1902 г. (1 января) 1903 г. – С. 216.
16. РГИА. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 566.
17. Сватиков С. Г. Создание «Сионских протоколов» по данным официального следствия // Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О. В. Будницкий. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. – С. 163–222.
18. Сидорчук И. В. «Доктор медицины» Низье Филипп: личность в контексте проблемы научных aberrаций как формы досуга и истории взаимоотношений ученого сообщества и власти в России // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л. Г. Рогушина, Т. Г. Фруменкова. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 221–226.
19. Струнина Н. Г. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 5. – С. 36–42.
20. Фомин С. В. «А кругом широкая Россия...» – М.: Форум, 2008. – 822 с.
21. Шахнович М. М. Книга «Правда о "сионских мудрецах"» и история ее написания // Религиоведение. – 2012. – № 2. – С. 185–194.
22. Шеманский А., Гейченко С. Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче. – М.–Л.: Государственное изд-во изобразительных искусств, 1931. – 89 с.
23. Юзефович Б. М. К П. П. Гессе // Политические письма. Периодический сборник по вопросам текущей политической и общественной жизни. – Апрель 1908. – Выпуск XI. – С. 179–181.
24. Caillet S. Monsieur Philippe l'ami de Dieu: Suivi du Recueil de Papus et d'un journal de séances. P., 2013.
25. Chantin J.-P. Nizier Philippe, guérisseur lyonnais // Politica hermetica, L'âge d'homme. 2004. No. 18. P. 65–73.
26. Collin Ph. Maître Philippe de Lyon: Album souvenir 1905–2005. Grenoble, 2005.
27. Jaquot A., Philippe A. Les Réponses de Maître Philippe. P., 2015.
28. Moyse G. Philippe: Le mystère de Lyon. Lyon, 2005.
29. Warth R. D. Before Rasputin: Piety and the Occult at the Court of Nicholas II // The Historian. 1985. Vol. 47. No. 3. P. 323–337.

THE "FIRST FRIEND" OF THE ROYAL FAMILY: TO THE HISTORY OF THE HEALER PHILIP NIZIE'S STAY AT THE COURT OF NICHOLAS II (1901–1902)

Кныазев М.А.

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

ABSTRACT

The article presents a reconstruction of the history of the stay of the French healer Philip Nizier at the court of Nicholas II in 1901–1902. Despite the frequent reference of researchers to this story, it has not yet received full coverage in historiography. Philip's arrival in Russia and his acquaintance with the imperial couple took place in the spring of 1901 thanks to the efforts of the "Montenegrin" princesses Milica Nikolaevna and Anastasia Nikolaevna. Nizier did not have a French doctorate, so he did not have the right to practice medicine in his homeland. At the request of Philip or "Montenegro", Nicholas II made attempts to legalize his medical activities. The executor of the order of the monarch was the palace commandant P.P. Hesse, however, the solution of the issue through diplomatic channels failed. Therefore, the emperor turned directly to the leadership of France with a request to allow Nizier to practice medicine, but was refused. Under these conditions, the autocrat granted Philip the title of Doctor of Medicine in Russia. Rumors spread in society about the harmful influence of the Frenchman on the monarch prompted Empress Maria Feodorovna to initiate proceedings in the Nizier case. The collection of information was entrusted to P.P. Hesse and the head of the foreign agents of the police department P.I. Rachkovsky. The collected compromising material was reported to the tsar, which caused displeasure of both Nicholas II and Philip, and after a while Rachkovsky was dismissed. Following the head of the foreign secret police, the Lyon doctor left Russia forever, who never received an official French diploma. Considering the issue of removing Philip from the court, the author concludes that both individual members of the royal family and representatives of the official French authorities are interested in this.

KEYWORDS

Nicholas II, Alexandra Feodorovna, Philip Nizier, Maria Feodorovna, P.P. Hesse, P.I. Rachkovsky, palace commandant, camarilla.